

Д. А. Реттих
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО
И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЕЙ В РАМКАХ ОДНОГО АБЗАЦА
КАК ХАРАКТЕРНЫЙ ПРИЗНАК ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА

D. A. Rettikh
THE INTERSECTION OF FUNCTIONAL SEMANTIC AND SEMANTIC FIELDS
WITHIN ONE PARAGRAPH AS A CHARACTERISTIC OF AN EXTREMIST TEXT

Данная работа посвящается выявлению, исследованию и описанию определённого признака экстремистских текстов, попавших в поле зрения органов МВД, в идентификационном аспекте. Такой подход к тексту обуславливается социальными процессами, связанными с распространением идей национального экстремизма в сети Интернет. Под определённым признаком понимается пересечение функционально-семантического (в ядре которого находится категория повелительного наклонения) и лексико-семантического (в ядре которого находится сема «национальность»/«народность») полей внутри абзаца (сверхфразового единства). Данная черта рассматривается как внутритекстовый, повторяемый, специфический признак экстремистского типа языковой личности, который проецируется на текст, написанный представителем такой ЯЛ. Проводится статистический анализ пересечения приведённых полей в текстах материалов, на результатах которого производится описание по шести основным аспектам: статистический, интерпретационный, стилистический, структурный, функциональный и семантический. На основе полученных результатов предполагается разработка объективной, регулярной методики идентификации, которая в дальнейшем будет способна перейти на машинный / компьютерный уровень.

This paper is dedicated to revealing, studying and describing the selected characteristic of extremist texts, which came to the attention of MIA in terms of identification. Such approach to texts is determined by social processes connected with spreading the ideas of national extremism on the Internet. Under the selected characteristic the intersection of functional semantic (in the centre of which lies the category of imperative mood) and lexical semantic (in the centre of which lies the seme “nationality”/“nation”) fields within a paragraph (a super-phrasal unity). This feature is regarded as an intertextual, repeated, specific characteristic of the extremist type of linguistic personality, which is reflected in the text written by such a LP. Statistical analysis of the intersection of the above-mentioned fields in the texts is being conducted, according to the results of which the description in six aspects is being made: statistical, interpretational, stylistic, structural, functional and semantic. Based on the obtained results it is suggested to develop an objective, regular identification method, which will be able to reach the level of automatization/computerization.

Ключевые слова: идентификационная лингвистика, юрислингвистика, языковая личность, экстремизм, функционально-семантическое поле, лексико-семантическое поле.

Keywords: identification linguistics, juridical linguistics, linguistic personality, extremism, functional semantic field, lexical semantical field.

Поставленная цель обусловлена социальными процессами, связанными с распространениями идей национального экстремизма в русскоязычном Интернете [1; 2]. Согласно результатам регионального мониторинга экстремистских проявлений [3], уровень экстремизма в Кузбассе не критичен, но значителен. Основным источником трансляции данных проявлений является именно Интернет, который становится основной площадкой доступа к информации для значительной части населения России, которая стала «...формировать мировоззренческие установки, вкусы, представления и нормы наиболее активной части общества» [2, с. 59–60], включая деструктивные идеи [1]. Интернет как информационное явление, накапливает огромные объёмы данных, который крайне сложно

контролировать. Установка на контроль обусловлена ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. [4]. Когда речь заходит о принадлежности текста к экстремизму, правоохранительные органы обращаются к лингвисту-эксперту, который на основе собственных знаний и научной парадигмы в данной области признаёт текст «несущим признаки экстремизма» или «не несущим признаки экстремизма». Уникальность нашего признака в его объективности и независимости от мнения эксперта. В перспективе, возможно создание методики, целью которой будет возможность обрабатывать тексты без участия специально-обученного человека, выдавая на выходе готовый результат о принадлежности или непринадлежности текста к экстремизму по заданному признаку.

Рассматриваемый признак можно представить как одну из разновидностей конструкции «призыва» к экстремистской деятельности. В данном случае происходит пересечение интересов юриспруденции (ст. 280УК РФ) и лингвистики (устная, письменная форма совершения призыва). Данным аспектом изучения занимается новая наука юрлингвистика, объектом которой является «взаимоотношения языка и закона» [5, с. 13]. Важным при таком рассмотрении оказывается то, с помощью каких языковых средств совершается правонарушение. Языковые средства формируют особые единицы – лингвоюридемы – «языковое злоупотребление и правонарушение как единица юридического функционирования языка» [6, с. 151], например лингвоюридема «оскорбление», «клевета» и т. д. При таком подходе пересечение ФСП (с ядром повелительное наклонение) и ЛСП (с ядром «национальность/народность/раса») рассматривается как лингвоюридема «призыв». Согласно модели успешного призыва, предложенной М. А. Осадчим [7, с. 109], высказывание должно содержать: вербальный императив, образ способа совершения действия, образ объекта и образ субъекта действия. ФСП выражает вербальный императив, а также может выражать своим лексическим значением образ способа совершения действия. ЛСП может выражать как образ субъекта, так и образ объекта действия. Таким образом, пересечение ФСП и ЛСП способно выступать как полная модель удачного призыва.

Идентификационный аспект в лингвистике является сравнительно новым, поэтому мало изучен. Однако существует ряд работ, которые так или иначе связаны с данным направлением [8; 9; 10; 11; 12]. Основанием для появления нового учения стало пересечение интересов лингвоперсонологии (идентификация языковой личности) и юридической лингвистики (идентификационная лингвистическая экспертиза). На стыке данных наук оказывается автор текста (языковая личность), которую лингвисту-эксперту в рамках лингвистической экспертизы необходимо идентифицировать из ряда других авторов. Под языковой личностью мы понимаем «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [13, с. 3]. Особыми способностями и характеристиками может обладать не только отдельно взятая языковая личность, но так же и группа людей, связанных определёнными языковыми предпочтениями в выборе языковых средств, тактик речевого поведения и т.д. Существование коллективной языковой личности признаётся во многих работах: [14, с. 113; 15, с. 15; 16] из которых мы выделяем работу Ворожбитовой [17, с. 139] – «коллективная ЯЛ» или «совокупная ЯЛ» применительно к этносу в целом, а при описании социальных групп вводится термин «групповая ЯЛ». В данной работе, пересечение функционально-семантического и семантического полей рассматривается именно как характерная особенность коллективной языковой личности (далее КЯЛ) экстремистов, по которому автора, принадлежащего к данной КЯЛ, можно идентифицировать из ряда других.

Объект исследования: русскоязычный текст экстремистского содержания, взятый из лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз. Предмет: когнитивный и идентификационный аспекты изучения.

За основу исследования берётся утверждение о том, что в тексте экстремистского содержания, написанного автором определённых идеологических взглядов и

принадлежащего к конкретной групповой языковой личности, содержатся признаки, способные отличить такой текст от текстов иного содержания. В настоящей работе рассматривается признак пересечения определённого функционально-семантического и определённого лексико-семантического полей (обозначенных ранее). Выдвигается гипотеза о том, что данный признак является отличительной чертой экстремистского текста, и способен идентифицировать такой текст из ряда других текстов и охарактеризовать его как: «потенциально экстремистский» – содержащий данный признак или «неэкстремистский» – не содержащий данный признак.

Материалом для исследования послужили экстремистские тексты из лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз, проводимых специальными органами МВД в рамках расследований по фактам национального экстремизма и призыва к экстремизму. Среди текстов материалов присутствуют различные жанры: личная переписка (социальной сети ВКонтакте), песня, анекдот, националистическая кричалка (описанная в статье ««Аллогенные» жанры в современном экстремистском дискурсе»[18]), призыв (с разной степенью интенсивности – совет, просьба, предложение, приказ, воззвание, ультиматум [19]), научно-популярная лекция, короткая новость [20], стихотворение, заголовок, высказывание, эссе.

На внеязыковом уровне экстремистский тип личности отличается рядом признаков: лица мужского пола, в возрасте от 14 до 30 лет, физически здоровые и психически вменяемые, имеющие определенные нравственно-психологические особенности личности, подвержены внешнему влиянию [21]. Такая схожесть вне языка, также будет оказывать влияние на схожесть внутри языковых явлений, что положительно влияет на точность и эффективность идентификации данного КЯЛ.

В нашем исследовании формируется КЯЛ экстремиста, признаком для формирования такой КЯЛ является «экстремистская деятельность». Тексты, которые были отобраны для исследования, попали в поле зрения специальных органов МВД по статьям 280 УК РФ и 282 УК РФ, что характеризует авторов данных текстов как занимающихся экстремистской деятельностью, следовательно, все авторы (ЯЛ) данных текстов изначально маркируются как «экстремисты». КЯЛ, которую мы формируем на основе этих ЯЛ, соответственно считаем КЯЛ экстремиста. Тексты, написанные представителем такой КЯЛ, далее – экстремистские.

Для идентификации данной КЯЛ взят признак пересечения ФСП (с ядром «повелительное наклонение») и ЛСП (с ядром «национальность/народность/раса») в рамках одного абзаца.

Из определения ФСП: «система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т. п.), взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определённой семантической категории»[22], мы видим, что значимыми при рассмотрении данного явления оказываются семантическая категория, вокруг которой выстраивается ФСП, а также единство функций единиц, объединённых вокруг данной семантической категории.

Выстраиваемое нами ФСП базируется на грамматической категории «повелительное наклонение», то есть используется глагольная форма повелительного наклонения.

Согласно модели успешного призыва Осадчего, высказывание должно содержать вербальный императив [7]. Выражением такого императива в рамках настоящего исследования считается повелительное наклонение глагола, выраженное формально. Таким образом формируется поле призывности, как один из признаков экстремистского текста. Поле призывности рассматривается нами как разновидность структурно выраженного призыва. Исходя из установки на формализованность методики, за вербальный императив принимаются только глаголы с формально выраженным повелительным наклонением, игнорирую семантические и интонационные императивы.

Исключением при формальном подходе к выборке образований императива составляют конструкции, построенные с помощью частицы пусть, то есть формально-семантическое

построение императива. Данная частица учитывается в виду того, что, являясь формально выраженной, также несёт значение призывности, и способно быть подсчитано, то есть отвечает запросам на формализацию методики.

Такой подход к экстремистскому тексту обусловлен ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Согласно постановлению пленума верховного совета РФ от 28 июня 2011г. N11 «О судебной практике По уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» под публичными призывами понимаются выраженные в любой форме обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Таким образом, ФСП призывности в контексте рассматриваемых текстов является формальным способом побуждения к экстремистской деятельности.

Из рассмотренный текстов в поле призывности попали такие глаголы как (с учётом мн. и ед. ч.): режьте (6), убивайте (5), глядите (1), заткни (1), скажи (5), пусть знают (1), давай (1), встань (5), вставай (4), проснись (1), прячьтесь (4), сжигай (1), взрывай (1), делай (1), собирайте (1), помни (3), будь (5), расскажи (2), бейте (54), сдавайся (8), стреляй (1), бойся (2), защити (7), прогони (1), становись (1), очищай (1), пристрели (1), руби (7), прячь (1), бери (1), устраивай (1), пускай (2), нападдай (1), сметай (1), кидай (1), пусть сидит (1), пусть печётся (1), станцуй (1), знай (3), пусть поляжем (1), мирись (1), кайся (1), рви (1), коли (1), души (3), сражайся (1), оглянись (1), протяни (1), покупайте (2), напхни (1), вали (6), пусть пиздует (1), пИзди (1), уёбывай (1), назови (2), пусть убегает (1), встречайся (10), очнись (1), пусть затыкают (1), поднимай (3), отражай (1), положи (1), пусть бодрит (1), выйди (1), наточи (1), сделайте (7), пусть убегает (1), убей (2), сожги (1), иди(1), хуярь (1), поверьте (1), отправляйтесь (1), доживайте (1), расслабляйтесь (1), забудьте (1), пропустите (1), пытайтесь (1), грабьте (1), отбирайте (1), дайте (5), пусть станут (1), замочи (1), спасай (16), ломай (1), скреби (1), глянь (2), заплетай (1), круши (1), помогай(2).

ЛСП – «самая крупная лексико-семантическая парадигма, объединяющая слова разных частей речи, соотносимые с одним фрагментом действительности и имеющие общий признак (общую сему) в лексическом значении [23]».

В широком смысле в ЛСП входят все слова имеющие хоть один общий семный компонент. В данной работе формируется ЛСП национальности. За один общий фрагмент действительности принята сема «национальная принадлежность», которая в большей степени отражается в семах «национальность/народность/раса». Таким образом, нас интересуют все лексемы, содержащие в себе семы «национальность/народность/раса».

Ядро поля национальности обосновано определением экстремистской деятельности (экстремизма) в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4], где говорится, что национальность и раса способны быть предметом экстремизма.

В представленных текстах встретились следующие лексемы, входящие в поле национальности (в скобках указано количество употреблений во всех текстах, с учётом различных словоформ): хач (20), чурка (37), русский (59), русичи (1), грузины (1), черножопый (4), славяне (4), немцы (1), евреи (9), скандинавки (1), викинги (1), хачина (1), русня (1), жидовский (1), даг, жид (38), славянский (1), чурек (1), жидоватый (1), негр (9), хачёвский (1), таджик (2), узкоглазый (1), цыган (3), цыганьё (1), жйд (орфографический вариант слова жид)(5), чурбан (1), ниггер (2), кавказцы, китайский, корейский, японский, мексиканцы, европейский, жидопоклонники, еврейский (4), еврейство (1), жидомасоны, нигер (орфографический вариант слова ниггер)(16), чеченские (6), чечены (1).

В выборку лексем, характеризующих субъекта или объекта по признаку «национальность/народность/раса», не попали слова «чёрный». Исходя из наших наблюдений, приведённые лексемны довольно часто встречаются в экстремистских текстах для номинации лиц по признаку расы. Однако эти лексемны не будут задействованы в формировании методики ввиду переносности их значений

Для исследования были взяты экспертизы, проводимые правоохранительными органами МВД по делам экстремизма. Из данных экспертиз были вычленены тексты, ставшие

конфликтными. Всего взято 8 лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз; общее количество экстремистских текстов: 108. Такого количества, по мнению авторов, достаточно для создания объективной методики вычленения признака пересечения ФСП и ЛСП.

Тексты, в которых выявлено ФСП с ядром «повелительное наклонение»:

Экспертиза No 1: 1, 2, 3, 6 (4 из 7);

Экспертиза No 2: 5, 7, 9 (3 из 9);

Экспертиза No 3: 1, 4, 5 (3 из 5);

Экспертиза No 4: 2 (1 из 3);

Экспертиза No 5: 3, 4, 6, 12, 13, 14, 17, 18, 20, 22, 23, 25, 26, 30, 32, 33 (16 из 35);

Экспертиза No 6: 1, 3, 8, 10, 11, 13, 15, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26 (14 из 26);

Экспертиза No 7: 1 (1 из 2);

Экспертиза No 8: 9, 15, 16, 17, 18, 19, 20 (7 из 21).

Итого, в 49 из 108 текстов встречается ФСП с ядром «повелительное наклонение».

Тексты, в которых выявлено ЛСП с ядром «национальность/народность/раса»:

Экспертиза No 1: 1, 2, 3, 4, 6, 7 (6 из 7);

Экспертиза No 2: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9 (8 из 9);

Экспертиза No 3: 1, 2, 3, 4, 5 (5 из 5);

Экспертиза No 4: 1, 2 (2 из 3);

Экспертиза No 5: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 26, 27, 28, 32, 33, 34, 35 (25 из 35);

Экспертиза No 6: 2, 3, 4, 8, 9, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 26 (18 из 26);

Экспертиза No 7: 1, 2 (2 из 2);

Экспертиза No 8: 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21 (17 из 21).

Итого, в 83 из 108 текстов встречается ЛСП с ядром «национальность / народность/раса».

В рамках одного абзаца (сверхфразового единства) пересечение вышеозначенных полей обнаружено в 36 текстах.

Признак пересечения ФСП (с ядром «повелительное наклонение») и ЛСП (с ядром «национальность/народность/раса») является повторяемым для экстремистского текста. Процент повторяемости ниже среднего – в 33% текстов.

Поле национальности оказалось наиболее частотным – в 76% текстов. Данный показатель мы выделяем как значимый для экстремистской КЯЛ. Такой высокий показатель частотности упоминания этнонимов характеризует как группу языковых личностей, так и группу социальную. В лингвистическом отношении открывается потенциал для изучения других смысловых полей экстремистской КЯЛ, и их сопоставительный анализ и влияние на конфликтность текста, написанного представителем такой ЯЛ.

При описании КЯЛ экстремиста необходимо учитывать, что для параметризации текста как «потенциально экстремистский» и «неэкстремистский» важно именно пересечение полей, а не отдельно взятые поля, так как лексемы с формально выраженным повелительным наклонением являются частью общенационального языка, в большинстве своём не несут в себе явные признаки экстремизма и не могут считаться таковыми. Иначе дело обстоит с этнонимами, которые содержат в себе субъективные оценки автора, отрицательно характеризующие представителей других народов: чурка, хач, русня, жид. Носителя языка, употребляющего данные лексемы в публичной коммуникации, можно рассматривать как представителя крайне правых идей, однако, негативное отношение к другим национальностям не является призывом к совершению каких-либо действий над ними, следовательно, исходя из пресуппозиции ФЗ «О противодействии экстремизма», такие носители не являются экстремистами.

Следующим этапом исследования признака пересечения полей национальности и призывности является проверка результатов на контрольных текстах

Для проверки нашей методики идентификации экстремистского текста мы отобрали 10

различных неэкстремистских и 10 экстремистских материалов. Характер неэкстремистских материалов разнороден: различные литературные роды и жанры. Экстремистские тексты для проверки также как и для исследования были взяты из лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз проводимых органами МВД. Согласно нашей гипотезе: в неэкстремистских текстах – не должен присутствовать признак пересечения полей, так как эти тексты изначально не маркированы как экстремистские, следовательно, не принадлежащие экстремистской КЯЛ; в экстремистских – должен присутствовать признак пересечения с частотности не менее чем в показателях исследования, т. е. не меньше, чем в 3 из 10 текстов. Для повышения эффективности проверки неэкстремистские тексты отбирались тематически – в текстах должна присутствовать как минимум 1 лексема ЛСП.

Проверка методики на неэкстремистских текстах: В проверочные тексты попали такие жанры, как: анекдот, стихотворение, комментарии интернет-пользователей сайта Newsland.ru, а также заголовки и тексты новостных статей данного сайта.

Текст No 1: присутствует ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 2: присутствует ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 3: присутствует ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 4: присутствуют 2 ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 5: присутствуют 2 ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 6: присутствует ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 7: присутствует ЛСП. Количество повторение – 6. ФСП отсутствует.

Текст No 8: присутствует ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 9: присутствуют 2 ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 10: присутствует ЛСП. Количество повторение – 2. ФСП отсутствует.

Проверка методики на экстремистских текстах:

Текст No 1: присутствует ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 2: присутствуют 2 ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 3: присутствует пересечение ЛСП и ФСП в одном абзаце. Текст маркируется как «потенциально экстремистский».

Текст No 4: присутствует ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 5: присутствует ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 6: присутствует пересечение ЛСП и ФСП в одном абзаце. Текст маркируется как «потенциально экстремистский».

Текст No 7: присутствуют 2 ЛСП. ФСП отсутствует.

Текст No 8: присутствует пересечение ЛСП и ФСП в одном абзаце. Текст маркируется как «потенциально экстремистский».

Текст No 9: присутствует пересечение ЛСП и ФСП в одном абзаце. Текст маркируется как «потенциально экстремистский».

Текст No 10: присутствует ЛСП. ФСП отсутствует.

Таким образом, получается, что ни в одном из неэкстремистских текстов не было обнаружено признака пересечения ФСП (с ядром «повелительное наклонение») ЛСП (с ядром «национальность/народность/раса») в рамках одного абзаца. Данный результат говорит о том, что приведённый признак не характерен для неэкстремистских текстов. Это оказывает большое влияние на силу идентификационного аспекта методики. Мы допускаем, что возможны случаи, когда методика может отметить неэкстремистский как «потенциально экстремистский» по причине многообразия тем и контекстов, различных видов устной и письменной речи русского языка. Однако, как показывает наша проверка, таких случаев не выявлено.

В то же время, проверка на экстремистских текстах показывает положительный результат в пределах допустимого минимума: в 4 из 10 экстремистских материалов обнаружено пересечение полей призывности и национальности, следует эти тексты (No 3, 6, 8, 9 проверочных (экстремистских) текстов) являются потенциально экстремистскими, т. е. написанными экстремистской ЯЛ.

В результате проведённого исследования удалось выявить, исследовать и описать определённый признак экстремистского текста. На основе данного признака предполагается разработка методики идентификации экстремистского текста, которая на выходе будет маркировать текст как «потенциально экстремистский» или «неэкстремистский».

Гипотеза, представленная во введении, нашла своё подтверждение, а именно: доказано, что экстремистские тексты (как минимум в 3 из 10 случаев) содержат признак пересечения полей призывности и национальности.

Результаты исследования были проверены на материалах 10 экстремистских и 10 неэкстремистских текстов. Согласно проверке, дальнейшая методика способна выполнять поставленную перед ней задачу.

С нашей точки зрения, разумно проводить изучение экстремистской КЯЛ далее, так как для полноценной объективной идентификации экстремистского текста необходимо больше оснований, чем один признак.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиллер, В. В. Российские социальные сети как потенциальная угроза национальной безопасности России (на примере сайтов «Одноклассники» и «Вконтакте») / В. В. Шиллер, Н. Н. Шелудков // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – No 3(55). – С. 124–129.

2. Шиллер, В. В. Российские виртуальные социальные сети как каналы ретрансляции идей религиозного и национального экстремизма (на примере «Одноклассников» и «Вконтакте») / В. В. Шиллер // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сборник статей. – Кемерово, 2013. – С. 59–67.

3. Шиллер, В. В. Концепция регионального мониторинга экстремистских проявлений: перспективы практической реализации в Кемеровской области / В. В. Шиллер, В. А. Вольхина // Политические институты и процессы. – 2015. – No 2. – С. 44–56.

4. **Федеральный закон от 25 июля 2002 г. No 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»** (с изменениями и дополнениями).

5. **Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: межвузовский сборник научных трудов** / Алтайский гос. ун-т; редкол.: Голев Н. Д. (отв. ред.), Мансурова В. Д., Лебедева Н. Б. и др. – Барнаул, 1999. – 183 с.

6. **Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов** / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2008. – 458 с.

7. **Осадчий, М. А.** Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи / М. А. Осадчий. – М., 2013. – 256 с.

8. **Напреенко, Г. В.** Идентификационная лингвистика как аспект лингвоперсонологии / Г. В. Напреенко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – No 2 (62). – С. 157–162.

9. **Мельник, Н. В.** Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка / Н. В. Мельник // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2011. – No 1. – С. 200–207.

10. **Голев, Н. Д.** Лингвоперсонологическая вариативность языка / Н. Д. Голев // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История, филология, философия и педагогика. – Барнаул, 2004а. – No 4. – С. 41–46.

11. **Голев, Н. Д.** Лингвоперсонология: проблемы и перспективы / Н. Д. Голев // Вопросы лингвоперсонологии. – Барнаул, 2007. – Ч. 1. – С. 7–12.

12. **Голев, Н. Д.** Лингвотеоретические основания типологии языковой личности / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное

обучение / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 7–19.

13. **Караулов, Ю. Н.** Русская языковая личность и задачи её изучения / Ю. Н. Караулов. – М., 1989. – С. 3–8.

14. **Нерознак, В. П.** Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996. – С. 112–116.

15. **Сентенберг, И. И.** Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте / И. И. Сентенберг // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994. – С. 14–25.

16. **Шевченко, О. Н.** Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. В. Заходера): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 22 с.

17. **Ворожбитова, А. А.** Теория текста. Антропоцентрическое направление: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / А. А. Ворожбитова. – М., 2005. – 367 с.

18. **Бабикина, М. Р.** «Аллогенные» жанры в современном экстремистском дискурсе / М. Р. Бабикина, М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – No 4 (54). – Екатеринбург, 2015. – С. 160–164.

19. **Анисимова, Т. В.** Особенности жанров призывающей речи / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон // Современная деловая риторика: учебное пособие. – Волгоград, 2004. – 432 с.

20. **Колесниченко, А. В.** Жанры прикладной журналистики / А. В. Колесниченко // Практическая журналистика: учебное пособие. – М., 2008.

21. **Мусаелян, М. Ф.** О личности экстремиста / М. Ф. Мусаелян // Военно-юридический журнал. – 2010. – No 2. – Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/m1977.html> (дата обращения: 15.04.2016).

22. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990.

23. **Жеребило, Т. В.** Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. / Т. В. Жеребило. – Назрань, 2010. – 486 с.